

Алла Пятибратова

Город забытых волшебников

Кто бы мог представить, что этим утром случится такое! И прямо вон за тем поворотом. Маша этого ещё не знала и неслась на всех парусах навстречу своим приключениям. В этот самый момент она ясно понимала только одно: затормозить уже не успевает, хорошо хотя бы вовремя повернуть, чтобы не врезаться в забор, и тогда прощай новенький велосипед, полученный вчера в подарок от деда на её четырнадцатый день рождения.

О том, что может разбиться и сама, Маша не думала. Она резко повернула руль перед самым забором, чиркнув по нему локтем, и понеслась дальше по незнакомой улочке. И затормозила, когда вылетела на большую поляну, поросшую ярко-зелёной густой травой. Положив велосипед на землю, она первым делом осмотрела свой локоть. Кожа была содрана, и на траву капнула кровь.

Маша осмотрелась. Похоже, она попала на окраину города. С одной стороны стояло несколько домов, едва видных за яблонями. С другой стороны поляны была рощица, а впереди расстилалось, насколько хватало глаз, разноцветное поле.

А позади... Маша обернулась и обомлела. Там

полукругом, впритык друг к другу, стояли одноэтажные дома, окружённые садами и высокими заборами. И никакого поворота не было!

Решив разобраться с этим позже, Маша направилась к ручью, чтобы обмыть рану. Морщась от боли, она порадовалась, что на этот раз обошлось без разбитых коленок. Напившись холодной воды из ручья — вот сейчас попало бы ей от родителей, хорошо, что не видят! — она стала разглядывать рощу и уже хотела пойти и посмотреть, что там может найтись интересного, кроме деревьев, как услышала позади себя топот и пыхтение.

Маша оглянулась и увидела такую картину: прямо на неё бежала светло-коричневого окраса собака с большими висящими ушами, громко пыхтя и забавно вскидывая длинные ноги, а за ней неспешно бежал чёрный кот. Собака с маху перепрыгнула через ручей и полезла на невысокую берёзу, цепляясь за сучья. Кое-как примостившись на толстой ветке, она крепко обняла её всеми лапами и так застыла.

Кот растянулся на травке недалеко от дерева, бросая свирепые взгляды на пса и злобно пофыркивая, но делал это с ленцой, будто ему просто нужно было доиграть свою роль до конца.

Маша, затаив дыхание, наблюдала за ними, не замечая, что сидит на земле с открытым ртом. И в

ужасе вскочила, вдруг услышав хриплые звуки. И издавал их никто иной, как пёс, продолжавший сидеть на ветке. Он прокашлялся и сказал:

— Давай на сегодня закончим дурацкую беготню, Агафон! Только не делай вид, что не слышишь!

Кот смотрел в сторону, всем своим видом показывая, что не собирается слушать и тем более отвечать. Зато Маша не могла отвести глаз от собаки, не веря своим ушам. Это сон или не сон? Она потрогала рану на локте и вскрикнула. Собака посмотрела на девочку с удивлением, будто только что заметила.

— Здравствуйте! — пролепетала Маша.

— Доброе утро! Агафон, так я слезу? — спросил пёс и, не дожидаясь ответа, сиганул с ветки вниз, прямо под Машины ноги.

Кот вскочил, его шерсть поднялась дыбом. Он грозно мяукнул, ещё разок свирепо сверкнул зелёными глазами и, развернувшись, гордо удалился.

— Благодарю, Агафон! — язвительно крикнул вслед своему преследователю пёс и проворчал: — Надоела мне эта история. Я ведь не щенок в догонялки играть и по деревьям лазить. Никакого почтения к моему возрасту! А вы как считаете?

Маша не сразу поняла, что вопрос обращён к ней.

— Вижу, что никак не считаете.

— А как у вас это получается? — решила спросить Маша.

— Что? По деревьям лазить?

— Нет, то есть, да, и это тоже. А как у вас получается разговаривать?

— Вот те раз! Вы, что ли, никогда не встречали говорящих собак? — пёс казался изумлённым до глубины души.

— Нет, никогда. И собак, лазающих по деревьям, тоже не видела.

— Понятно. Выходит, вы из другого города. А как же сюда попали?

— На велосипеде. Ехала по улице, потом неожиданно поворот, пришлось свернуть... Вот.

— Поворот? Не вижу никакого поворота... А, наверное, это проделки наших, — сказал пёс многозначительно и вздохнул. Кто такие «наши» объяснять он явно не собирался.

Маша украдкой разглядывала говорящую собаку, всё ещё не веря, что такое может быть. Глаза у псины были печальные, к тому же она шмыгала носом и, казалось, вот-вот заплачет.

— Почему вы такая... такой печальный? — осмелилась спросить Маша.

— Порода такая, — сказал пёс, зачем-то посмотрел в небо и опять вздохнул. — Да, я забыл представиться. Меня зовут Селивёрст. А вас?

Маша? Слишком коротко. Но, впрочем, что ж поделаешь, сойдёт.

— Селивёрст? — Маша обрадовалась. — Надо же! А у меня фамилия Селивёрстова. Получается, мы с вами... Хотя нет, не получается. Мы не тёзки и не однофамильцы. Но всё равно приятно.

— А фамилия — это что? — спросил пёс.

— Фамилия это... это... — Маша задумалась, не зная, как лучше объяснить. — Фамилия прибавляется к имени. И она передаётся по наследству. А! И ещё она объединяет одну семью.

— Понятно. У меня есть семья, но фамилии почему-то нет. Скажу бабушке, чтобы она придумала что-нибудь красивое.

— Скажите, а кот тоже умеет разговаривать?

— Кто, Агафон? Он слишком ленивый. Зато изводить пожилых псов он на все лапы мастер.

— А почему он за вами гнался?

— Невоспитанный потому что! Сколько раз я его просил по-хорошему: не переходи дорогу перед моим носом, терпеть этого не могу. Так нет же!

— Вы, что, верите в приметы?

— Причём тут приметы? Просто неприятно, когда у тебя под носом туда-сюда шныряют наглые коты. Но ему подразнить меня нужно! Вот вам и конфликт.

— Так тогда вы должны за ним гнаться...

— Да? — Селивёрст надолго задумался.

Похоже, такая мысль в его голову никогда не приходила.

— А как вы лезете вверх по стволу? У вас такие длинные уши, они, наверное, цепляются за сучки и мешают...

— Да что вы! Уши — незаменимая вещь, когда летишь вниз.

Тут уже задумалась Маша. Но решила, что додумает потом, потому что у неё было ещё много вопросов к новому знакомому.

— Вы не могли бы мне объяснить, куда я попала? Какая это улица?

— Какая улица? Обычная. Вы на какой улице живёте?

— На Вишнёвой.

— О! Так это и есть Вишнёвая. Вон прямо за тем домом, видите?

— Не может быть! Я ведь приехала совсем с другой стороны... А какие там номера домов? Я живу в 147-м. А там улица Вишнёвая начинается или заканчивается?

— Или начинается, или заканчивается. Вам это лучше самой узнать.

— Как же на неё попасть?

— Пойдёмте, покажу. Вон между теми домами есть проход, отсюда его просто не видно.

Селивёрст довёл Машу до тех домов, между которыми, по его словам, можно было пройти до

Вишнёвой. Там и в самом деле оказался проход. Он был длинный и шёл вдоль заборов, а вдалеке виднелась приоткрытая калитка.

— Рад был познакомиться, — печально сказал Селивёрст и вздохнул.

Он сделал попытку махнуть на прощанье лапой. Получилось смешно, и Маша хихикнула. Пёс посмотрел на девочку укоризненно, повернулся и поковылял прочь. И тут стало ясно, что он действительно уже далеко не щенок. Маша смотрела ему вслед, и ей отчего-то было грустно.

Она быстро добралась до калитки, вошла, прикрыла её за собой и только тут вспомнила, что оставила свой велосипед на поляне возле ручья. Придётся за ним сходить. Маша повернула назад и ахнула: никакой калитки не было и в помине! Перед ней сплошной стеной стоял сад, такой густой, что за ветвями едва просматривались стены деревянных домов.

— Что же это такое!?! — возмущённо крикнула Маша. — Что за фокусы!

Она расстроилась. Ох, и обидится же дедушка, если она заявится домой без велосипеда. И будет совершенно прав. Такие подарки нельзя забывать где попало. Маша почему-то была уверена, что велосипед больше не увидит.

Кое-как сдержав слёзы, девочка стала оглядываться: а вдруг всё же где-то найдётся

тропинка к ручью. Она увидела перед собой неширокую покрытую гравием дорогу, которая метров через триста резко обрывалась, а за ней сразу начиналось во все стороны поле, и вдали виднелась полоса леса. По обеим сторонам дороги стояли одноэтажные деревянные домишки. Избушки, как назвала их Маша.

Домов было всего шесть, по три на одной стороне дороги и на другой. Зелени и тут хватало, но зато заборчики были невысокие, с облупленной непонятного цвета краской и перекошенные. Здешние жители, судя по всему, ремонтом не занимались давно.

Справа от себя Маша увидела высокий столб, и на нём висело множество указателей, направленных в разные стороны. Они сообщали, что здесь есть улицы Ручейковая, Калиновая, Луговая, Ромашковая, Снежная, Вересковая, Медовая, Барбарисовая и ещё пара десятков с такими же красивыми названиями.

Маша была озадачена. Она видела перед собой одну-единственную улицу, которую и улицей-то назвать нельзя. И, кажется, это и в самом деле была Вишнёвая, если верить табличке на ближайшем доме. Вот только номера никакого на нём не было. Не случайно, значит, Селивёрст не смог сказать, начинается здесь Вишнёвая или заканчивается.

Что-либо понять, стоя на одном месте, было невозможно. И Маша направилась к ближайшему дому. Подобрав камешек, она громко постучала им по висящей на одной петле калитке. Потом постучала ещё раз, и ещё. Может, хозяев нет дома?

— Пойду и выясню! — решительно сказала Маша вслух, хотя ей было немножко боязно — а вдруг во дворе есть злая собака или, что тоже не исключается, сам хозяин окажется злым? — Ну, и ладно! Тогда просто повернусь и уйду. Тут ещё и другие дома есть...

Маша осторожно открыла калитку и сделала шаг. И тут же испуганно рванулась назад, снова оказавшись перед тем же облезлым забором, за которым стояла самая обычная деревянная избушка с потемневшими то ли от старости, то ли от заброшенности стенами и немытыми окнами без занавесок. И те же тонкие деревца оказались на месте, а сразу за калиткой виднелась неровная дорожка с чахлыми кустиками роз по краям.

Маша потрясла головой, огляделась по сторонам и убедилась, что вокруг ничего не изменилось. Она, теперь уже не так решительно, снова открыла калитку и сделала шаг. И снова отпрянула назад. Отдышалась, набралась храбрости и опять повторила то же самое.

На девятый или десятый раз девочка поняла, что испуг совершенно пропал, зато появилось

любопытство. И оно доросло уже до таких размеров, что требовало прекратить опыт с калиткой, пойти, наконец, по дорожке и узнать, кто это занимается тут такими фокусами.

Маша снова вошла в калитку и замерла. Но теперь не от испуга, а от восхищения. Если тут жили фокусники, то это, несомненно, были самые лучшие фокусники на свете. И, конечно, она ни за что не уйдёт, пока не познакомится с ними. Ну, или хотя бы посмотрит на них одним глазком, если они не пожелают с ней знакомиться.

Перед девочкой стоял дом. И он был прекрасен. Его стены сияли белизной, а окошки украшали красивые расписные ставни. Вдоль забора, словно только что выкрашенного голубой и светло-зелёной краской, росли разные фруктовые деревья. Дорожка была аккуратно посыпана крупным песком, а по её краям цвели роскошные красные, белые и жёлтые розы.

Маша пошла мимо дома на шум льющейся воды. И сквозь него уловила мурлыкающие звуки: кто-то напевал песенку под аккомпанемент дождика.

Через несколько шагов девочка увидела, что во дворе спиной к ней стоит женщина и поливает из шланга цветочные кусты и траву, напевая при этом песенку без слов. Настроение у поливальщицы, видимо, было замечательное, потому что она не

только пела, но и смеялась, шлангом вырисовывая в воздухе различные фигуры. Брызги разлетались по всему двору и попали на Машу, продолжавшую с интересом разглядывать двор, сад и саму хозяйку дома. А в том, что это и есть хозяйка, девочка не сомневалась.

— Здравствуйте! — крикнула Маша как можно громче.

И в этот самый момент женщина не только перестала смеяться и напевать, а ещё и положила шланг на землю, и шум воды моментально стих. И громкое Машино приветствие прозвучало в полной тишине так неожиданно, что женщина испуганно взвизгнула и, резко обернувшись, замахала на девочку руками, продолжая охать и ахать.

— Ой, простите, пожалуйста, что я вас напугала, — жалобно сказала Маша. — Честное слово, я не хотела, случайно получилось...

— Вот так-так! Кажется, у меня гостья, — спокойно сказала женщина и приветливо заулыбалась. — Как ты здесь оказалась?

— Зашла, чтобы узнать у вас кое-что.

— Что же ты хотела узнать, девочка?

— Как мне отсюда попасть к своему дому, номер 147. Я живу на Вишнёвой. Улица заканчивается на вашем доме или начинается? Хотя, может быть, и разницы никакой нет?

— Так ты не из нашего города? — озадаченно

спросила хозяйка.

— Из нашего, — ответила Маша, но уже не была так в этом уверена.

— Вот что! Пойдём, буду тебя угощать пирогом с капустой, а ты мне всё подробно расскажешь.

Маша с радостью согласилась, потому что проголодалась. И ещё ей не терпелось попасть в дом, где, как она решила, живёт фокусница. Дом и внутри должен быть необычный, раз он необычный снаружи.

Но, зайдя внутрь, Маша разочарованно вздохнула. Прихожая с вешалкой для верхней одежды, просторная комната, обставленная самой обычной мебелью. Здесь было чисто и уютно, но ничего интересного. Но тут девочка посмотрела направо и увидела винтовую лестницу, ведущую на второй этаж. Вот это уже кое-что! Откуда в доме может быть второй этаж, если снаружи он одноэтажный? Или там просто чердак?

Пока Маша стояла посреди комнаты и оглядывалась, хозяйка возилась на кухне с капустным пирогом.

— Маша, иди сюда! — позвала она.

— А откуда вы знаете, как меня зовут? Разве я говорила?

— Не говорила? Хм... Но я ведь угадала?

— Да! — подтвердила девочка и собралась

задавать вопросы, которых у неё накопилось немало.

Но хозяйка опередила её.

— А меня зовут Ольгерта. Хочешь сока?

В руке Ольгерты непонятным образом появилось большое красное яблоко. Она сдвинула его ладонью, и в чашку потёк сок. Маша молча наблюдала.

— Опять думаешь, что фокус? — насмешливо спросила Ольгерта. — На, пей. И не спрашивай, откуда я знаю, что ты думаешь.

— Ну, хорошо, — нехотя согласилась Маша и отхлебнула из чашки. — Ой! А это не яблочный сок!

Ольгерта тоже попробовала и рассмеялась.

— Конечно! Я ведь думала в этот момент о капустном пироге, вот сок и получился капустный.

— А если бы вы подумали об ананасе или о клубнике, то сок получился бы ананасовый или клубничный? — Маша была в восторге.

— Возможно. Пока пирог не готов, на, погрызи, — и Ольгерта протянула Маше такое же красивое и неизвестно откуда появившееся в её руке яблоко.

Девочка откусила, и лицо её перекосилось.

— А сейчас вы случайно не про лимон подумали?

— Такое кислое? Извини. Попробуй с другого

бока.

Маша с сомнением смотрела на яблоко. Потом осторожно откусила маленький кусочек, и глаза её распахнулись от удивления: с другого бока яблоко оказалось сладким. Ольгерта заулыбалась.

В этот момент на кухне неожиданно появился большой чёрный кот с зелёными глазами. Мякнув в сторону хозяйки, он запрыгнул на скамейку и растянулся в полный рост. Он был как две капли воды похож на кота, загнавшего бедного Селивёрста на дерево.

— Агафон? — спросила Маша, пристально глядя в его глаза и ожидая, что услышит в ответ: да, так и есть, это я.

— Нет, это не Агафон. Это его братец Афанасий. Такой же разбойник и при этом такой же ленивый. Ах, вот оно что! Значит, ты познакомилась с Агафоном и Селивёрстом, неразлучной парочкой. Теперь я знаю, как ты попала в наш город. Это наверняка они забыли закрыть калитку на Вишнёвую.

— У вас здесь так интересно! Как вы это делаете с яблоком? А как пёс может говорить? А почему ваш дом выглядит по-разному? А как вы узнали моё имя?

— Если тебе и в самом деле интересно, оставайся погостить, тогда многое узнаешь. Не беспокойся, твой дедушка не будет волноваться, он

даже не заметит твоего отсутствия.

Вот так-так! Хозяйка необычного дома знала и о Машином дедушке. Девочка уже не сомневалась, что очень хочет здесь погостить, и сразу поверила, что дедушка точно не будет за неё волноваться, раз так сказала Ольгерта. Тётя Ольгерта, поправила себя Маша.

— Пирог готов! — радостно сообщила хозяйка.

Маша рассматривала кухню, где вроде тоже не было ничего необычного. На окне весёленькая занавеска в цветочек. Электрическая плита с духовкой, круглый стол, длинная скамья и табуреточки. Сама Ольгерта была похожа на повариху в расшитом синими колокольчиками фартуке, с округлым лицом и ямочкой на щеке. Вот только без колпака на голове. Короткие каштановые волосы завивались в кудряшки. И была она такой же аккуратной и уютной, как её дом.

Сколько же ей лет, гадала Маша. И решила, что она ровесница её дедушки, а ему недавно исполнилось пятьдесят четыре.

— Садись, потом посчитаем, сколько мне лет, — сказала Ольгерта.

Маша и удивиться не успела, как уже сидела на табуретке, которая будто сама подскочила к ней из-под стола.

— Садись, — повторила Ольгерта,

сосредоточенно колдуя над пирогом. Она водила над ним руками и что-то тихо приговаривала. И, наконец, торжественно объявила: — Вот! Теперь можно есть! Красиво?

Маша кивнула. Пирог действительно выглядел красиво. Он был полностью покрыт шоколадной глазурью, а по краю цвели жёлтые и розовые кремовые цветочки. Настоящее произведение кулинарного искусства.

— А разве пирог не с капустой?

У Ольгерты моментально испортилось настроение.

— Когда начинаются разговоры о моём возрасте, я забываю про всё на свете! И зачем ты так не вовремя заговорила про мои годы!

Маше стало неловко, хотя она могла бы поклясться, что вслух не произнесла ни слова о возрасте хозяйки.

— Ладно, ничего страшного, сейчас всё исправлю.

Она снова начала водить руками над пирогом и что-то шептать. Кремовые цветы и шоколад исчезли. И на кухне сразу вкусно запахло капустой. Ольгерта довольно заулыбалась: что я говорила!

Маша получила большой кусок. Она заметила, что на пироге кое-где остался шоколад, но решила не обращать на это внимание. Пожалуй, такое непривычное сочетание вкусов ей даже

понравилось.

— Ещё кусочек? Нет? Тогда допивай чай, он, кстати, с чабрецом, нравится? Пора прогуляться по саду и спать.

— Как спать? Ещё так рано...

— У тебя было столько впечатлений сегодня, ты устала, вот и не заметила, как наступил вечер. Нужно хорошо отдохнуть. Встаём мы рано, и тебя подниму.

— А вы мне всё расскажете? И что за город такой — ваш, и про то, как вы фокусы делаете...

— Фокусы! — возмущённо фыркнула Ольгерта. — О, вижу, у тебя глаза слипаются... Прогулка по саду отменяется.

— Давайте погуляем, я не хочу спать, — возразила Маша и зевнула.

— Успеем. Пойдём-ка в кроватку.

Засыпая, девочка успела почувствовать приятный цветочный аромат, от подушки, наверное. Ей приснилось усыпанное звёздами небо, и по нему летел какой-то непонятный предмет, сначала бесшумно, а потом с нарастающим звуком, похожим на шипящий свист. Маша, задрав голову, пристально всматривалась в ночь и пыталась разглядеть, что же это такое. Вдруг предмет обрёл чёткие очертания, и стало видно, что по небу несётся ведьма на метле.

Досмотреть сон Маша не успела, потому что

проснулась от резкого свистящего шума. Она подбежала к окну и распахнула его. Но шум уже стих, и на том кусочке неба, который был виден над деревьями, ничего, кроме звёзд, она не рассмотрела. И всё же девочка была уверена: только что по небу кто-то пролетел.

— Приснилось или здесь водятся ведьмы?

Маша вернулась в кровать и с удовольствием залезла под одеяло. Утром она узнает и увидит ещё много-много интересного — того, что она называла фокусами, просто потому, что не знала, как назвать по-другому.

* * *

Она проснулась очень рано, но позже хозяйки. Комната была наполнена вкусными запахами, и Маша радостно побежала на кухню.

— Доброе утро, тётя Ольгерта!

— Ух, ты! Я уже тебе и тётя! Выспалась, деточка? Ну, иди умывайся, пока я оладушков напеку. Что такое?

Маша молча показывала пальцем на одно окно, потом на другое.

— Как это? — растерянно спросила она. — В одном окне идёт дождь, а в другом нет?

— А, ты про это... Так я же вчера не успела полить ту часть сада, вот и включила там дождь.

— Понятно. Ещё один... — Маша не стала произносить слово «фокус» вслух, опасаясь, что Ольгерте это не понравится.

«Фокусница» хмыкнула, но промолчала, переключив внимание на олады.

— А почему вы весь сад дождём не поливаете? Так ведь быстрее, и в это время можно другими делами заниматься...

— Быстрее, да. Но ведь из шланга поливать веселее, это такое удовольствие! И вообще своими руками всё приятнее делать. Согласна? Ну, тогда беги умываться да за стол!

— А можно спросить? — Маша зачем-то оглянулась и понизила голос: — У вас здесь ведьмы по небу летают?

Ольгерта ответила тоже шёпотом:

— Летают, но только не ведьмы.

— Но я ведь видела... Она летела на метле...

— А! Просто метлу время от времени выгуливать нужно, а то она побегу пустит, что с ней такой делать? Уже не полетаешь. Потом расскажу. Умывайся!

Маша быстро почистила зубы, умылась, и, смотрясь в круглое зеркало над умывальником, стала приглаживать непослушные тёмно-русые волосы. Отражение в зеркале делало то же самое. Но Маше стало казаться, что это не совсем её отражение. Она кривлялась, размахивала руками,

пожимала плечами, и девочка напротив повторяла в точности каждое её движение.

Маша застыла. Маша в зеркале тоже застыла. Те же непослушные короткие волосы, брови взлёт, прямой нос, большие глаза... Стоп! А почему глаза тёмно-синие, если у Маши серые? И лицо у отражения шире, и губы вроде тоньше. Да в зеркале не Маша, а какой-то мальчишка!

Она в недоумении разглядывала своё, но не своё отражение. И вдруг оно подмигнуло и рассмеялось. Девочка заорала. На её крик из кухни примчалась встревоженная Ольгерта.

— Что случилось, что случилось? — испуганно повторяла она, не замечая, что Маша не сводит широко распахнутых глаз с зеркала.

— Зеркало... странное... — пролепетала девочка.

Ольгерта, наконец, обратила внимание на зеркало и тоже уставилась на отражение, которое, не мигая, смотрело на них.

— Ага, хм, вот как, значит... — бормотала Ольгерта и неожиданно крикнула свирепо: — И кто же у нас тут хулиганит!?

Маша вздрогнула, а отражение испуганно сжалось и зажмурило глаза.

Ольгерта стала что-то причитать на непонятном языке и водить перед зеркалом ладонями так, будто разглаживала поверхность.

Потом обвела его руками, что-то написала пальцем в воздухе, закатала рукав и залезла в зеркало по самое плечо.

— Где ты прячешься, разбойник? — непонятно у кого спросила она. — Ага, попался! Ну-ка, вылезай!

Ольгерта выдернула из зеркала руку, а вместе с ней того самого мальчишку, который изображал Машино отражение. Он уже не жмурился, а радостно улыбался и, кажется, собирался кинуться женщине на шею. И она уже не выглядела сердитой, улыбаясь «разбойнику» в ответ.

— Привет, ба! — заорал мальчишка, подскочил и чмокнул Ольгерту в щёку.

— Привет, внучонок! Заждалась тебя! Каникулы давно начались, а ты всё никак не заглянешь, пропадаешь где-то... Что ж ты, проказник, гостью мою напугал? Ишь, чего придумал, — Ольгерта вроде бы и выговаривала внуку, но видно было по её сияющему лицу, что она ему ужасно рада и даже одобряет его проказу. — Вот сорванец растёт! Маша, познакомься с моим любимым внуком.

Любимый внук вытянулся перед девочкой в струнку и важно произнёс:

— Ромуальд.

— Мария. Маша.

— Вот и замечательно! — продолжала

радоваться Ольгерта. — Вдвоём-то вам будет веселее. Ромуальд, только веди себя прилично.

— Ба, как ты можешь! Когда это я вёл себя неприлично?

— Ладно, ладно... Только никаких «ба»!

— Прости, забыл.

— То-то же. А теперь марш за стол, завтрак давно готов.

Ребята с аппетитом позавтракали. Молча, потому что Ольгерта запретила болтать во время еды. И, едва встали из-за стола, Ромуальд сразу же потащил Машу в сад, удивившись, что она ещё там не была. Они шли по тропинке вглубь, и мальчик сначала расспрашивал новую знакомую о том, как она попала в гости к его бабушке, потом о её родителях.

— Если мы гуляем, чего ж мы так бежим? — не выдержала Маша.

— За садом есть маленькое озеро. Оно такое... такое красивое! Хочу показать его тебе. Им любоваться нужно в солнечную погоду, и только пока он спит, а как только проснётся, озеро сразу закрывается.

— Ромульд... Ромальд... — Маша запуталась в имени и остановилась. И тут же забыла, что хотела выяснить, кто такой «он».

Мальчик тоже остановился и, хитро улыбаясь, ждал продолжения. Но, увидев, что Маша

покраснела от смущения, сжалился.

— Ладно, зови меня Ромой. Ромуальд наше семейное имя, передаётся по наследству. Моего папу зовут Ромуальд, и его отца звали так же. Ну, и так далее.

— Выходит, ты Ромуальд Ромуальдович? — произнесла Маша почти без запинки и победно посмотрела на мальчика. — Так сложно выговаривать...

— Так у нас по отчеству друг друга никто и не называет, только по именам.

— У кого у нас? Вот и тётя Ольгерта говорит: наш город, у нас. Что это значит? Как я могла очутиться в другом городе?

— Расскажу. Только не всё сразу, хорошо?

— Хорошо. Но хотя бы на один вопрос ты можешь ответить сейчас? Я уже столько фокусов здесь увидела. Как вы их делаете? Вот ты как залез в зеркало?

— Как залез? — мальчик рассмеялся. — Я туда не залезал, я туда прибыл. А если честно, меня папа отправил, сам я ещё не умею. Но это вовсе не фокусы!

— А что? Как у вас это называется?

— Волшебности. Вот как это у нас называется. Ты до сих пор не догадалась, куда попала?

— Не хочешь ли ты сказать, что к

волшебникам? — рассмеялась Маша.

— Ты попала в Город волшебников! — торжественно сказал Ромуальд.

— А название у твоего города волшебников есть?

— Его так называть стали давным-давно. Настоящее название мало кто помнит. Его только в старинных летописях можно найти.

— И ты хочешь сказать, что в этом городе живут волшебники? И твоя бабушка тоже волшебница?

— Конечно! Она волшебница садов и огородов.

— И ты волшебник?

— Я из семьи волшебников, учусь в школе волшебников... Почему ты смеёшься? Не веришь мне?

— Как можно в это поверить? Какие-то волшебники... Покажи, где он, ваш город? Кроме нескольких домишек и сада, больше и нет ничего. И волшебности ваши — это просто фокусы.

— Опять ты за своё! Ладно, я не обижаюсь. Если бы мне рассказали такое, я бы, может, тоже не поверил. Буду не рассказывать, а показывать. Своим глазам ты согласишься?

— Своим глазам поверю.

— Вот и договорились! А теперь давай бегом, надо успеть увидеть озеро!

Они припустили по тропинке, а фруктовые деревья всё не кончались. Машу разбирало любопытство: что же такого она увидит? Ромуальд заразил её своим волнением, и хотелось, чтобы уже, наконец, прибежали.

Сад закончился неожиданно, и ребята выбежали на зелёный пригорок. Маша даже не успела отдышаться после бега. У неё перехватило дух от того, что она увидела внизу, в ложбине. Ромуальд был здесь не впервые, но и он остановился в оцепенении.

Небольшое озеро было небесного цвета, словно само небо пролило немного своей синевы на землю. И непонятно было, что на самом деле колышется в озере — вода или густой синий воздух. Озеро обрамляла широкая полоса белых и розовых ромашек, и оно лежало в цветочной оправе. Из воды вылетали стайки прозрачных рыбок, а над водной гладью махали крыльями призрачные диковинные бабочки и птицы.

— О! — только и смогла сказать Маша.

Сначала ей показалось, что здесь стоит необыкновенная тишина, но скоро она начала улавливать тихий детский смех, шёпот, сопение и мелодии колыбельных песен, которые кто-то напевал, и Маша готова была поклясться в этом, голосом её мамы.

Зрелище было невероятным и волшебным. Да,

да, Маша произнесла про себя слово «волшебный» и готова была повторить его вслух.

Они стояли и смотрели, смотрели, не замечая, как проходят часы. Никакая сила сейчас не могла бы развернуть их и заставить уйти.

— Давай спустимся к озеру, — умоляюще прошептала Маша.

— Нельзя! — так же шёпотом ответил Ромуальд. — Здесь начинаются владения волшебника детских снов Милослава. Он спит очень чутко, и если проснётся раньше времени, то рассердится на непрошенных гостей.

— Он такой грозный?

— Нет, он добрый. Но кому понравится, когда из-за чьей-то прихоти пойдёт насмарку его работа?

— Никому не понравится, — согласилась девочка.

— Это озеро детских сновидений. Мы с тобой придём сюда ясной ночью, когда в озере будут плавать звёзды и луна, по лунной дорожке будут бродить волшебные привидения, а над водой будут летать причудливые тени невероятных животных и птиц...

Маша слушала мечтательный голос Ромуальда, а сама не сводила глаз с прекрасного озера. Её убаюкивал кто-то невидимый, и глаза начали потихоньку слипаться. Маша затрясла головой, чтобы проснуться. Но опять зевнула и

поняла, что готова упасть на траву и сладко уснуть. Ромуальд тоже зевал, но держался из последних сил.

Внезапно всё вокруг изменилось. Небо быстро затянулось серыми тучами, и озеро вместе с цветочной оправой медленно растворилось в воздухе.

— Милослав проснулся, — с сожалением сказал мальчик. — Но так даже лучше, а то ещё минута, и мы сладко бы спали на этом пригорочке неизвестно сколько времени. Бабушке пришлось бы нас искать. Пойдём домой, она, наверное, заждалась...

— Темнеет. Неужели уже вечер? Долго же мы тут стояли.

— Да, о времени здесь забываешь напрочь.

Они нехотя ушли с пригорка, но, войдя во владения волшебницы садов и огородов, оживились и всю обратную дорогу бурно делились впечатлениями.

Ольгерта всё сразу поняла по их восхищённым лицам. Расспрашивать не стала, а только сказала огорчённо:

— Так я и знала, что ты, внучек, первым делом поведёшь нашу гостью к озеру. А как же мой сад? Разве он не достоин восхищения?

— Бабулечка! Не обижайся! Маша ведь ещё погостит у нас, правда? Я ей покажу всё-всё в твоём

замечательном саду! Мы будем гулять там каждый день!

Ольгерта заулыбалась, но всё же с сомнением покачала головой.

— Хитрец, знаю я тебя! Вот скажи, куда вы собрались завтра?

— Ещё не придумал. А ты не против, если мы наведаемся к дяде Мартину?

— К Мартину? — обрадовалась Ольгерта. — Как же я давно не видела своего милого братца!

— Так пойдём с нами, ба!

— Ох, пошла бы! Да на кого я брошу свой сад-огород?

Маша с любопытством слушала их разговор. Кто такой дядя Мартин, она пока не знала, но готова была идти в гости хоть к кому. И уже поняла, что в этом невероятном городе, помещающемся на одной короткой улочке, её ожидает столько интересного, что вряд ли она скоро попадёт к себе домой.

— Давно не виделись с Мартином, — повторила Ольгерта с грустью. — Когда же мы перестали ходить в гости? Не только нас забыли, но мы и сами стали забывать друг друга. Вот уж точно говорят — Город забытых волшебников...

* * *

Ромуальд проснулся раньше всех и сразу начал собираться, переполошив весь дом. По залу бродил недовольный Афанасий, пытаясь найти укромное местечко, но такого не нашлось, и кот поплёлся спать на второй этаж.

Из своей комнаты на шум вышла заспанная Ольгерта.

— Что происходит? — поинтересовалась она у внука, который метался по комнатам, притаскивал какие-то вещи и складывал их в кучу. — Ещё даже не рассвело. Ты куда собрался в такую рань?

— Ба, не мешай! Лучше приготовь нам на завтрак что-нибудь вкусненькое. Ты же знаешь, к дяде Мартину нужно собираться со всей ответственностью.

— Ну, это да... Только чего так суетиться, собраться можно за полчаса...

— Вот! Я уже приготовил всё необходимое, можно Машу будить.

Ольгерта оценивающе рассматривала кучу вещей на полу.

— Варежек и шарфов нет.

— Точно! А где они? И надо достать на чердаке санки. А вторые найдутся?

— Хм, у нас и третьи, если понадобится, найдутся. Ты дорогу-то не забыл?

— Не забыл.

— Главное — ни в коем случае не

останавливаться и не падать! Помнишь?

— Да помню, ба! Ты Машу разбуди и с ней инструктаж проведи. А я за санками пошёл.

Машу будить не пришлось. Она давно проснулась и из своей комнаты прислушивалась к разговору. Услышав про инструктаж, она решила, что самое время вставать.

— Ты на еду так не налегай, а то идти тяжело будет, — наставлял Машу Ромуальд за завтраком, но сам поглощал блины со сметаной один за другим.

— Ты сам-то не передай, а то с набитым животом дальше калитки не уйдёшь, — насмешливо сказала ему Ольгерта. И уже серьёзно добавила: — Дети, помните, останавливаться на тропе или падать в переулке категорически нельзя!

После завтрака Маша ждала, когда же начнётся инструктаж, но Ромуальд подвёл её к куче вещей и сказал:

— Вот с этой стороны всё твоё.

Маша с интересом разглядывала вещи. Зимняя куртка, подбитая мехом, унты, шерстяной свитер, тёплые непромокаемые штаны, толстые носки... У Ромуальда было то же самое. Куда же они собрались в летний день?

— Ну, детки, одевайтесь, — в голосе Ольгерты было сочувствие.

— Значит, слушай. Сейчас мы пойдём по

тропе вдоль домов. Идти будет трудно, но ни за что не останавливайся даже на секундочку! Поняла? Тропа закончится внезапно, и мы сразу окажемся в Метельном переулке. Там самое главное — не упасть! Держаться друг за друга не получится, ты должна сама устоять на ногах.

Ромуальд говорил быстро, Маша только кивала.

— Как же мы сможем идти в куртках по такой жаре? Давай вещи понесём, а оденемся перед Метельным...

— Повторяю: тропа закончится внезапно, и мы моментально попадём в Метельный переулок, — перебил её Ромуальд. — Одеваться уже будет поздно. И на тропе одеться не получится, потому что там нельзя останавливаться. Ты же сказала, что всё поняла!

— Ну, да, — неуверенно подтвердила девочка.

— Не наседай на неё так! — не выдержала Ольгерта. — Вспомни, как ты сам в первый раз в гости к Мартину ходил.

Ромуальд, видимо, вспомнил, и покраснел.

— Ладно, давай одеваться, — сказал он примирительным тоном.

Ольгерта наблюдала, как дети одеваются, и только вздыхала. Даже просто стоять в таком одеянии было нелегко, а уж идти по тропе, которая неизвестно, когда на этот раз закончится...

Со стороны они выглядели, наверное, смешно. Но смеяться им не хотелось. Передвигаться в куртках и унтах было непросто. Кое-как ребята добрались до калитки, Ольгерта тащила за ними санки. Они вышли на дорогу, и Маша увидела уже знакомые домишки и покосившиеся заборы.

— Нам туда, — махнул рукой в варежке Ромуальд на второй дом, стоящий на другой стороне.

Маша не знала, что там их ждёт, просто молча побрела за мальчиком. Они остановились между вторым и третьим, крайним, домом. И тут Маша увидела довольно узкую тропу, тянущуюся между деревянными заборами непонятно на какое расстояние.

— Так мы пошли, ба?

— Передавайте привет моему братцу. И не забывайте, что...

— Да ладно тебе, ба, сколько можно повторять! Не забудем.

Ольгерта долго смотрела, как они медленно, один за другим, шли по тропе, таща за собой противно скрежещущие по земле санки.

— Лучше бы мы пошли в гости к Милославу, — пробурчала вполголоса Маша.

— Не лучше! — откликнулся Ромуальд. — Разве он нас приглашал?

— А твой Мартин нас приглашал?

— К нему можно без приглашения когда угодно. Он ведь бабушкин двоюродный брат. И будет рад нам. А к Милославу в гости никто не ходит, потому что не зовёт. К тому же, никто не знает, где он живёт.

— А дядя Мартин случайно не на Северном полюсе живёт?

— Ну, почти. На Снежной улице. Ты силы на разговоры не трать...

С усилием передвигая обутые в тяжёлые унты ноги, ребята брели минут сорок, но Маше казалось, что несколько часов. Она отстала от спутника, ей ужасно хотелось остановиться и присесть на санки хотя бы минут на пять. Но, помня приказ, медленно, но всё же шла вперёд, то и дело вытирая варежкой потное лицо.

— А кто живёт за этим забором? — крикнула она громко.

Ромуальд обернулся, лицо у него было встревоженное.

— Тсс! Не кричи так, а то Арагарта услышит!

— Кто? — не расслышала Маша.

Ромуальд замедлил шаг, чтобы Маша смогла его догнать, и повторил:

— Здесь живёт Арагарта, волшебница ночных дорог.

— А почему ты боишься, она злая?

— Я о ней ничего не знаю, никогда её не

видел. Волшебница живёт очень замкнуто. Поговаривают, что она ведьма.

— А это не она по ночному небу на метле гоняет?

— Может быть. А ты, что ли, видела?

— Слышала. И ещё она мне приснилась. Только теперь я думаю, а вдруг это был не сон? А почему на тропе нельзя останавливаться?

— Потому что на ней есть плавающие воронки-ловушки. Их не видно. И если остановиться хоть на секунду, вполне можно в такую воронку угодить. Если туда попаду я, меня, может, и найдут, а вот тебя...

— Ловушки это тоже ваши волшебности?

— Когда-то, очень давно, наш город был шумным и весёлым. Жили здесь молодые волшебники, они любили подшутить друг над другом и всякие загадки разгадывать. Вот и напридумывали всяких ловушек, раскидали их по улицам и переулкам. А потом наступили времена, когда люди волшебников постепенно стали забывать. И сами волшебники изменились, и город изменился... Но давай я об этом потом расскажу. Надо быть внимательными, ведь тропа оборвётся внезапно, и мы сразу окажемся в Метельном переулке.

Ромуальд устал говорить, он весь покраснел от напряжения. Маша пожалела его, но всё же не

удержалась от нового вопроса.

— А почему нельзя падать в Метельном?

— Уф! Потому что если упадёшь, то встать уже вряд ли сможешь. Мгновенно снегом завалит. Так что держись изо всех сил!

— А зачем нам санки?

— Скоро узнаешь.

Она открыла рот, чтобы спросить, всегда ли на Снежной улице зима, но не успела. В этот самый момент тропа непонятно куда делась, и ребята оказались прямо в центре бушующей метели. Маше мгновенно забило рот снегом и залепило глаза. Сильный ветер бил её в спину, пытаясь повалить на землю и не давая сделать ни шага. Ей стало страшно. Она звала Ромуальда, но ответа не слышала. Так продолжалось несколько минут.

Надо собраться, приказала самой себе Маша. Неужели я испугалась какой-то метели, это ведь не зверь. Она протёрла глаза варежками и смогла их немного приоткрыть. Метрах в двух от себя она увидела сквозь кружащийся снег нечёткую фигуру, махавшую ей рукой.

— Иди! Иди! — услышала Маша и что было сил рванулась вперёд.

Теперь она поняла, почему санки нужно было накрепко привязать к рукаву. И поняла, почему здесь нельзя падать.

Ещё несколько усилий, и Ромуальд схватил её

за руку. И через минуту метель неожиданно улеглась, ветер стих. Над ними оказалось чистое ночное небо, густо усеянное яркими звёздами. А сами они стояли на горке и стряхивали с себя остатки снега.

Маша даже не успела удивиться, почему здесь уже ночь, хотя они вышли в путь рано утром. Слишком много удивительного накопилось с того момента, как она очутилась в этом городе.

— Теперь видишь, зачем нам санки? — спросил Ромуальд, показывая вниз. — Ну, что, прокатимся?

— Подожди немного. Ты только посмотри, какая красота!

Внизу под горкой стояли домики, с высоты похожие на игрушечные, и сияли огнями в окнах. Всюду росли пушистые ёлочки. А возле одного из домиков стояла высокая густая ёлка, увешанная сверкающими игрушками, гирляндами и мишурой.

— Здесь уже встречают новый год?

— Об этом лучше спросить дядю Мартина. Он ведь волшебник новогодних праздников и каникул.

— А кто ещё живёт на Снежной улице?

— Волшебник ёлочных украшений, волшебник ледяных катков, волшебница зимних маскарадов и карнавалов... Давай спускаться, а то холодно, замёрзнем. Там, внизу, теплее...

Они поудобнее усьелись в санки и лихо

полетели вниз.

— Эге-гей, догоняй! — задорно кричал Ромуальд, вырвавшись вперёд.

* * *

Ребята гостили у дяди Мартина третий день, а им казалось, что уже прошёл целый месяц, настолько насыщено они проводили время с самого утра до позднего вечера.

Мартин не мог нарадоваться своим гостям и устраивал для них походы на лыжах, учил кататься на коньках, водил на экскурсии по Снежной улице. Дети за день так уставали, что валялись с ног. Но и вечером радушный хозяин не давал им отдохнуть.

Жители Снежной улицы оказались гостеприимными, и дети быстро со всеми перезнакомились. Здешние волшебники тоже называли себя «забытыми», но вроде не слишком переживали по этому поводу или просто хорошо скрывали свои чувства. Они иногда ходили друг к другу в гости и скучали по тем временам, когда жизнь в их городе была шумной и весёлой.

Снежные волшебники ни на что не жаловались. Но в их разговорах иногда проскальзывали грустные нотки. Вот и сегодня вечером, задумчиво склонившись над шахматной доской, Мартин по привычке разговаривал с

невидимым собеседником, забыв, что за соседним столом дети делают фонарики.

— Хорошо, допустим, я пойду ладьёй вот так, что ты ответишь на это? Поставишь своего слона сюда, чтобы нацелиться на мою пешку? Хитрец! Давай появляйся уже, сколько можно торчать на своей фабрике игрушек? Да, знаю, тебе это нравится! Тебя-то люди ещё не забыли... А вот нас они перестали звать. Они прекрасно без нас обходятся, и не нужны им никакие волшебности...

Ромуальд посмотрел на дядю с жалостью, но тут же отвёл взгляд, чтобы тот не заметил. Мартин продолжал бормотать.

— С Дедом Морозом разговаривает, — шепнул мальчик Маше.

Девочка кивнула. Она уже знала шахматную историю двух старинных друзей. Началась она очень давно. Тогда одна шахматная партия могла длиться десятки лет. Мартин сообщал свой очередной ход на праздничной открытке и отправлял её Деду Морозу. А тот под новый год появлялся у Мартина дома и делал свой ход.

В конце концов, Мартину надоела такая медленная игра. Он обожал скорость, сам был задорным заводилой, не любил сидеть на одном месте. Вот и придумал перебраться жить на Снежную улицу, чтобы Дед Мороз мог приходить в гости, когда захочется, точнее, когда у него не было

каких-то важных дел или необходимости самолично присутствовать на фабрике игрушек.

Мартин радовался, что они могут играть в шахматы сколько угодно. Но, конечно, игра была всего лишь предлогом, чтобы как можно чаще видаться и общаться с другом.

— Всё, я сделал ход! — объявил Мартин и довольно потёр руки. — Посмотрим, посмотрим, чем ты мне ответишь... Дети! Предлагаю вкусно поужинать, а потом развесим ваши фонарики на главной ёлке.

— Ой, они же из простой бумаги, их не видно будет, — засомневалась Маша. — Может, покрасить их серебряной краской?

— Девочка, а я тут на что?

Мартин провёл над фонариками рукой, и они загорелись разноцветными огоньками. Теперь-то они точно не затеряются на ветках ёлки.

Ребята улеглись спать пораньше, потому что Мартин обещал поднять их до рассвета. Экскурсия предстояла на этот раз далёкая.

— Покажу вам местное чудо — ледяное озеро. Поход непростой, пойдём на лыжах. Надо хорошенько отдохнуть.

Ромуальд обрадовался, а вот Маша не очень. Она ещё плохо ходила на лыжах, да к тому же уже видела одно чудесное озеро, и вряд ли какое-то другое может затмить его. Стоит ли идти по морозу

так далеко ради какого-то ледяного озера, что там может быть интересного, кроме льда?

Отказаться от похода было неудобно, Маша видела, как доволен Ромуальд, и дядя Мартин сиял от радостного предвкушения.

— Давненько я туда никого не водил, — пробормотал Мартин сквозь сон.

В дорогу засобирались, ещё когда не встало солнце. Его восход нужно встречать в Снежной долине, сказал Мартин, это незабываемое зрелище. Он проверил, как ребята закрепили застёжки на лыжах, и спросил:

— Как вам лыжные костюмы, удобные?

Яркие костюмы были лёгкие и тёплые, с каким-то хитрым подогревом.

— Сам сконструировал! — сказал Мартин с гордостью. И добавил с горечью: — Только вот людям мои разработки не нужны, они и без моей помощи прекрасно обходятся. А я рад бы поделиться...

По сверкающему на солнце снегу они шли уже больше часа. Не торопясь, чтобы непривычная к лыжам Маша не отстала.

Со всех сторон их окружал снег, и впереди ничего, кроме снега, не было. Но Машу это не огорчало. Она увидела восход солнца в Снежной долине, и это необыкновенное зрелище настолько потрясло её, что она ни разу не вспомнила, что

всего лишь пару дней назад впервые встала на лыжи.

Маша энергично работала лыжными палками, но всё-таки уже начинала уставать и останавливаться на короткую передышку. Мартин, шедший позади неё, решил, что пора сделать привал. Он позвал Ромуальда, но тот не услышал и продолжал быстро бежать, оторвавшись от спутников на приличное расстояние.

— Стой! — вдруг ещё громче крикнул Мартин.

Велев Маше оставаться на месте, он рванул вслед Ромуальду, продолжая на ходу кричать «стой!». Но мальчик всё мчался вперёд, не слыша или делая вид, что не слышит. И неожиданно резко затормозил, наконец, увидев то, что ещё издали заметил Мартин.

Теперь увидела и Маша. Прямо на них быстро катился, но не по земле, а по воздуху большой снежный шар. Ромуальд уже не успевал отъехать в сторону и замер в растерянности.

Мартин невероятным образом долетел до мальчика, подняв руки, скрестил перед ним в воздухе лыжные палки и что-то громко прокричал. Шар с размаху налетел на палки и, разбившись, разлетелся на мелкие ледяные брызги. Мартин накрыл мальчика собой, и на них градом посыпались колкие льдинки.

Маша, оцепенело наблюдавшая за происходящим, наконец, пришла в себя и помчалась к своим спутникам, гадая, всё ли у них в порядке.

Когда все отдышались, Мартин сказал сердитым тоном:

— Вот что бывает, когда забываешь о своей команде. Хорошо, что я вовремя подоспел, а то встреча с ледяным ветром-хулиганом могла бы закончиться для тебя плачевно, Ромуальд. Ты бы превратился в ледяную статую, а потом рассыпался бы на кусочки.

Мальчику явно было не по себе. Он хотел что-то сказать в своё оправдание или извиниться, но Мартин не дал ему возможности.

— Говорить будем потом. А сейчас бегом! Нужно уйти как можно дальше!

Они молча пробежали с километр, и тогда Мартин разрешил остановиться.

— Теперь смотрите! — он указал рукой в ту сторону, где они оставили шар, разбившийся о щит, созданный Мартином.

Над тем местом, где шар разлетелся, висел быстро увеличивающийся в размерах снежный ком, вбирая в себя все льдинки, разбрызганные по земле. Растущий шар угрожающе покачивался.

— А он не погонится за нами? — испугалась Маша.

— Нет. Ледяной ветер-хулиган не любит летать назад, тем более что уже получил отпор. Но он весьма злопамятный. И если мы с ним столкнёмся снова, постарается отомстить. Поэтому нужно быть постоянно настороже и держаться вместе, а не отрываться от команды.

Мартин строго посмотрел на Ромуальда, и тот виновато опустил глаза.

— Ну, как, отдохнули? Двигаем дальше. Хорошо бы добраться до полудня, чтобы солнце освещало озеро с нужной точки.

А Машу больше интересовало другое: не встретятся ли им на пути ещё какие-нибудь хулиганы, которых стоит опасаться. Мартин не стал её утешать.

— Могут и встретиться. Можно, например, попасть в лапы мороза-прилипалы. Лыжи прилипнут к снегу, и с места сдвинуться не сможешь. А можно угодить в петлю и не заметить, как назад тебя развернёт. Или вот есть ещё...

— Хватит, хватит! А что же тогда делать? — спросила Маша.

— Идти вперёд и ничего не бояться. Если не бояться, то и мороз-прилипала не захочет с тобой связываться. Поехали? Теперь я впереди, а ты, Ромуальд, замыкающий. Всем всё ясно?

Они ехали ещё минут сорок. Маша старалась не отставать от Мартина, а Ромуальд то и дело

норовил наехать на её лыжи своими, у него не получалось ехать медленно.

— Рома, а мы где находимся? — спросила его Маша.

— На Снежной улице.

— Не может быть! — хотела воскликнуть Маша, но не успела, потому что вдалеке над снежным полем увидела широкий столб переливающегося серебристого света.

Ребята подъехали к Мартину, который, радостно улыбаясь, повторял:

— Вот оно, озеро, вот оно!

— Озеро висит в воздухе? — Маша попыталась представить, как это.

— Это серебристый свет висит над озером, — пояснил Мартин. — Нам осталось пару километров. Хватит сил?

Теперь сил у ребят хватило бы и на десять километров. Чем ближе было озеро, тем ярче становился свет над ним. Вот, наконец, и оно. Потрясённые лыжники остановились на берегу, прямо у кромки замёрзшей воды.

Овальной формы озеро было небольшое и хорошо просматривалось во все стороны. Оно было покрыто не простым льдом — под ним волшебный художник нарисовал чудные узоры из замёрзших пузырьков воздуха.

Похожее озеро Маша как-то видела на фото в

цветном журнале. Но совсем другое дело увидеть такое своими глазами. И это было ещё не всё. На противоположном берегу возвышались высокие ледяные замки с прозрачными башнями и висячими мостами.

— Кто смог создать такую красоту? — выдохнула Маша.

— Волшебник ледяных озёр Светислав. А вы знаете, ребята, что он родной брат волшебника детских сновидений Милослава? Они даже близнецы. Увидите Светислава, узнаете, как выглядит Милослав. Но братья похожи только внешне, а по характеру они совершенно разные. Предание гласит, что Светислав был в юности таким упрямым, что не захотел заниматься семейным волшебным делом — детскими сновидениями. И как его не заставляли, не уговаривали, он избрал другое волшебное дело, чего его семья, говорят, так и не смогла ему простить. Но, как видите, страсть к озёрам всё же победила.

— И они с братом не общаются? — Маше хотелось, чтобы это было не так.

— Не знаю. Поселился Светислав на Снежной улице в незапамятные времена. Он по натуре отшельник, потому и выбрал окраину Города волшебников. Но при этом он радушный хозяин.

Маша представила Светислава, как глубокого

старика с длинной седой бородой и в меховой шубе до пят. И дом его, наверное, похож на один из этих ледяных замков, и внутри ужасно холодно. Она поёжилась. Заходить в такой дом ей не очень-то хотелось.

— А вон и сам Светислав вышел нам навстречу, видите, машет рукой?

Вот уж такого волшебника ледяных озёр Маша ожидала увидеть меньше всего. К ним быстрой походкой приближался высокий крепкий мужчина в синих джинсах и тёплой серой рубашке в клеточку. На его открытом лице без единой морщинки светилась приветливая улыбка. Голову покрывала густая копна вьющихся каштановых волос.

— Дети, закройте рты! — пошутил Мартин.

— Здравствуй, здравствуй, старый друг! — радостно повторял Светислав, обнимая Мартина. — Давненько ты ко мне не заглядывал. Совсем забыл меня...

— Даже в шутку не смей так говорить! — рассердился Мартин. — Ты-то сам к нам и носа не кажешь. Скорее, это ты нас забыл.

— Никогда! Но сам знаешь, дни летят, а дел не становится меньше. Хотя люди не призывают нас. Вот кто нас забыл, даже наши имена.

— Ладно, не будем о грустном. Знакомься с моим юным родственником Ромуальдом, внуком

Ольгерты. А это наша гостья Маша. Она...

— Знаю, можешь не рассказывать, — не дал ему договорить Светислав, тепло глянув на девочку синими глазами. — На моей памяти это первый случай, когда в наш город попадают оттуда.

Маше уже не надо было спрашивать, откуда это «оттуда». Она застенчиво разглядывала нового знакомого, и ей захотелось узнать, сколько ему может быть лет. А заодно и Мартину.

— Давай будем считать, что мне столько же лет, сколько твоему деду Александру, — неожиданно ответил на её незаданный вопрос Светислав. — Твой другой дед Николай вроде года на три старше? Людей всегда волнует возраст.

— А откуда вы...

— Откуда я знаю твоих дедушек? И твоих бабушек тоже знаю, и родителей. Они же у тебя археологи и сейчас в экспедиции на Алтае?

Маша ошарашено кивала. Мартин посмеивался, а Ромуальду уже было не до них: он прикидывал, на какой висячий мост лучше всего забраться, чтобы с высоты полюбоваться на озеро.

— Так! Для начала я вас покормлю, а потом уже всё остальное.

Светислав повёл гостей в дом. Он был вовсе не ледяной, а каменный со стенами цвета какао и такой же крышей, что придавало ему уютный вид. Внутри было жарко натоплено, в камине трещали

поленья. Хозяин явно любил тепло.

Обстановка в большой комнате была простой — деревянные стулья вокруг круглого стола, обитый однотонной неброской тканью диван. Ничего особенного, отметила Маша, как и у Ольгерты, и у Мартина. Но теперь ей казалось, что у волшебников так и должно быть: они не окружают себя ненужными вещами.

На накрытом белоснежной скатертью столе стояли блюда с салатами, фруктами и орехами. Вкусно пахло свежим хлебом. И все сразу почувствовали, как сильно проголодались.

Что за салаты они ели, Маша не поняла. Но насытилась быстро и стала с интересом разглядывать незнакомые фрукты, решив, что надо попробовать все.

— Вижу, ты, Светислав, по-прежнему всё выращиваешь своими руками.

— Вижу ты, Мартин, тоже всё по-прежнему делаешь своими руками. Лыжные костюмчики сам сконструировал?

Мартин кивнул, и друзья рассмеялись. Видно было, как им хорошо сидится за столом, как они радуются встрече и не спешат забросать друг друга вопросами, предвкушая долгий вечерний разговор, переходящий в ночной, а потом и утренний. Им было, о чём поговорить.

— Что, Маша, никогда не видела таких

фруктов? Попозже я вам покажу, как они растут. А пока, ребята, идите на второй этаж, там много интересного.

Хотя Ромуальду не терпелось обследовать ледяные замки, он согласился сначала посмотреть на то, что хозяин считает «интересным».

Поднимаясь по лестнице, Маша краем уха слышала, как Светислав тихим голосом спрашивает друга, что тот знает об Арагарте. Она взглянула на Ромуальда, тот приложил палец к губам: тсс, потом!

— Вот это да! — воскликнули они одновременно, войдя в комнату на втором этаже, похожую на кабинет учёного.

Стены комнаты были увешаны картами звёздного неба и земных полушарий, столы заставлены разнообразными приборами, из которых дети знали только микроскоп. У окна стоял большой телескоп.

— Я буду смотреть в небо! — крикнула Маша.

— Хорошо, давай. А я пока буду изучать каплю воды. Но потом мы меняемся.

Маша прилипла к окуляру и тут вспомнила, о чём хотела спросить.

— Рома, а Светислав говорил о той самой ведьме ночных дорог, которая живёт напротив твоей бабушки?

— Ну, да. Только она волшебница. Думаешь, если на метле летает, так обязательно ведьма? Ладно, расскажу, только ты меня не выдавай. Светислав и Арагарта ужасно любили друг друга и собирались пожениться. Было это очень давно. Но я слышал от взрослых, что кто-то был сильно против их любви и помешал им. А бабушка Ольгерта говорила моей маме, что этой паре не суждено быть вместе. Там, где есть ледяные озёра, нет ночных дорог. И там, где есть ночные дороги, нет ледяных озёр. Вот так она и сказала.

— Совсем как у людей, — грустно заметила Маша.

— А волшебники, по-твоему, не люди, что ли? — возмутился Ромуальд.

— Прости, я не то имела виду.

— Да ладно, понял...

Дети так увлеклись, что не заметили, как наступил вечер.

— Ребятки! А кто хочет с нами покататься на коньках по ночному озеру? — громко спросил их Светислав.

И дети без раздумий бросились вниз по лестнице, едва не сбив с ног хозяина, стоявшего на первой ступеньке.

Скользить по прекрасному озеру, переливавшемуся в свете луны и звёзд — о таком Маша, да, похоже, и Ромуальд и не мечтали. Они

визжали от восторга, гоняясь друг за другом и за взрослыми, а те вели себя не лучше: Светислав и Мартин орали во всё горло детские песенки, кружились, бегали наперегонки, хохотали. Сейчас они казались мальчишками не старше Ромуальда, летающего по льду как заправский конькобежец.

И только когда все дружно рухнули в изнеможении на лёд и уставились на звёзды, тогда и почувствовали, как устали.

— Полночь! — таинственным шёпотом сообщил Светислав. — А вы знаете, что тут происходит в полночь?

— Что? — прошептала Маша.

— Все отправляются спать!

Уходить с озера не хотелось. Но ни двинуться, ни говорить больше не было сил. Маша представила постель с тёплым одеялом и поняла, что мечтает до неё добраться. Она была настолько переполнена впечатлениями, что, казалось, ещё чуть-чуть, и лопнет. Взрослые развели засыпающих на ходу детей по их комнатам, а сами, устроившись у камина, проговорили до рассвета.

И второй день в гостях у Светислава пролетел незаметно. Дети почти до самого вечера обследовали ледяные замки, то и дело любуясь на прекрасное озеро, благо, день был солнечный. Попытались пройти галерею ледяных скульптур, расположенную в самом большом замке. Но галерея

оказалась такой длинной, а скульптур такое несчётное количество, что они не дошли даже до середины, выбрались на висячий мост и снова долго-долго не могли отвести глаз от ледяной глади, разукрашенной воздушными пузырьками.

От завораживающего зрелища их смогли оторвать только сумерки.

— Здесь такой короткий день, да, Ром?

— Да. Только и успели замки посмотреть. А во владениях Светислава ещё столько всего! Если бы дяде Мартину не нужно было вернуться домой, можно было бы остаться тут хоть на месяц. Но его, как он говорит, ждёт работа, которую за него никто не сделает.

— Ты же говорил, что люди забыли волшебников, не зовут их... Какая же тогда у них работа?

— А ты думаешь, если не зовут, так и делать ничего не нужно? Сложить руки и страдать, что тебя забыли? Волшебники — они не такие. Сказать по секрету? Волшебники скрытно продолжают помогать людям, просто те этого не видят. Люди теперь живут на такой скорости, что и друг друга по именам не помнят, и просто пообщаться им некогда.

Маша промолчала, но задумалась над его словами. Неужели и она сама так живёт? Конечно! С утра носится по улицам, бросив деда Сашу. Когда

они с ним просто разговаривали? А её родители? Вечно по своим экспедициям, живут бегом. Домой приедут ненадолго, а сами так и рвутся опять в дорогу. И все так живут. Ей стало жалко и себя, и деда, и маму с папой...

— Эй, ты чего? У тебя глаза мокрые...

— От ветра, наверное.

— Да где здесь ветер?

Маша отвернулась и поспешила переменить тему.

— Почему ты Мартина называешь дядей, он ведь тебе двоюродный дедушка?

— А ты попробуй назвать его дедушкой! Он и на дядю с трудом согласился. Забыла, как Ольгерта реагирует, когда я её бабулей зову?

— Да, это мне знакомо. Обе мои бабушки реагируют так же.

— У волшебников прям всё, как у людей, да? — съязвил Ромуальд.

— Ром, ну, хватит, я же попросила прощения...

— Прощаю, что ж с тобой делать. Пойдём на ужин, а то Светислав искать нас отправится. Чем он сегодня будет кормить? Дядя Мартин рассказывал, что Светислав такой фантазёр! Он мастер не только по узорам на ледяных озёрах. И скульптуры, и замки он все сам делал. И салаты всякие вкусняющие сочиняет...

— Где ж он фрукты и овощи берёт? Ведь вокруг него только лёд и снег, а ты говоришь, что он никуда не выбирается...

— Так сам и выращивает. Он же обещал показать.

За ужином ребята напомнили Светиславу о его обещании.

— Я не забыл. Но с утра хочу показать вам ледяные водопады. А вот после отправимся греться в мой сад.

— Сад? — недоверчиво переспросила Маша. — Где же тут может расти сад?

— Увидите! — лукаво улыбнулся Светислав.

Ранним утром они уже ехали по снежной долине в четырёхместных аэросанях. Дети радовались, что вновь смогут полюбоваться восходом солнца. И только одно беспокоило Машу — не столкнутся ли они с мстительным ветром-хулиганом. Она вертела головой во все стороны, тревожно всматриваясь в даль.

— Зря боишься, — спокойно сказал ей Светислав, хотя сидел впереди на месте водителя и Маши, сидящей за ним, видеть не мог. — Ледяной ветер-шар не летает там, где я езжу. И он, я тебе скажу, не самая неприятная опасность, которая может встретиться на пути.

— Вы про петлю и мороз-прилипалу?

— Нет, девочка, я про блуждающие снежные

воронки. Если угодишь в такую, можешь оказаться неизвестно в каком месте и каком времени. Выбраться очень и очень непросто. Однажды я по рассеянности угодил в воронку. И если бы не мой брат Милослав, который почувствовал, что со мной случилась беда, и... Арагарта, я бы мог столетиями блуждать по незнакомым мирам.

— Светислав, ты совсем запугал нашу гостью, и Ромуальд, смотрю, притих, — встревожился Мартин.

— Да, что-то я увлёкся, — признал Светислав. — Но бояться нам совершенно нечего. После того случая я по всей долине поставил защитные поля. Никаких снежных воронок, ветров-хулиганов и тем более морозов-прилипал! А теперь внимание! Мы сворачиваем направо, и что вы видите впереди?

На горизонте путники увидели череду снежных гор. Над ними поднималось солнце, освещающая первыми лучами белые вершины.

— Сколько же мы туда будем добираться? И до вечера не доедем, — засомневался Мартин.

— Мы будем там через двадцать минут, — заверил Светислав. — Всем пристегнуться ремнями! Сейчас я включу первую скорость. А чтобы мы не задохнулись от ветра, подниму крышу.

Оказалось, что у саней крыша поднимается, как у кабиолета, только она прозрачная. Едва все

застегнули ремни, как сани резко рванули с места и словно полетели над землёй. Вокруг кабины завихрился снег, окутывая её так плотно, что почти ничего не было видно.

Минут через двадцать аэросани стояли у подножия довольно высоких гор, покрытых искрящимся на солнце снегом. Светислав всем раздал солнцезащитные очки, и сразу повёл их вперёд по одному ему ведомой тропинке между склонами.

Шли недолго. Светислав показал рукой «стоп!» и повернулся лицом к горе, которая осталась позади них. Остальные сделали то же самое. И ахнули. Прямо перед ними со склона горы падал ледяной водопад. Это было так невероятно красиво, что несколько минут никто не мог произнести что-либо вразумительное, только и раздавались восхищённые возгласы.

Светислав светился от радости. Дождавшись, пока потрясённые зрители немного пришли в себя, он плавно взмахнул рукой и что-то прошептал. В этот момент он был похож на дирижёра, и Маша не удивилась бы, если ледяной водопад вдруг бы ожил и стал падать с горы с шумом и брызгами.

— Аскольд! — громко крикнул Светислав.

— Я давно тут, — непонятно откуда раздался насмешливый голос. — Что ты так кричишь? Хочешь, чтобы Северина рассердилась и спустила

на вас лавину?

Светислав снял тёмные очки и уставился на водопад. На его гладкой поверхности постепенно стало прорисовываться чьё-то лицо. Картинка становилась всё чётче. И вот уже путникам улыбался красивый белокурый парень с прозрачными голубыми глазами.

— Приветствую вас в своих владениях, друзья! — торжественно сказал он.

Это было неожиданно. Маша была уверена, что на окраине города живёт только один волшебник, и всё здесь — его владения.

— Мартин, друг мой, я ждал, что ты когда-нибудь заглянешь в наши места. Рад, рад! Жаль, что у вас нет намерения посетить мой дом. Не буду настаивать. Понимаю, что для ваших юных спутников это нелёгкое испытание.

— Почему? — любопытно спросила Маша.

— Далековато. По горам. И очень холодно, — ответил за Аскольда Мартин.

— А кто такая Северина?

— Волшебница снежных лавин. Она не терпит шума, так что советую говорить потише.

Светислав и Мартин подошли вплотную к водопаду и стали оживлённо, но тихо разговаривать с Аскольдом. Дети молча стояли в сторонке и вертели головами по сторонам. Несмотря на лыжные костюмы с подогревом, скоро они начали

замерзать от долгого стояния на одном месте и нетерпеливо поглядывали на взрослых.

— Вам пора, — сказал Аскольд, заметив эти взгляды.

— Счастлив был повидаться, — сказал Мартин. — Может, наведаешься к нам?

— Почему бы и нет, — согласился Аскольд. — Ведь, помните, были времена...

Он не договорил и только грустно улыбнулся.

Ребятам показалось, что назад они добрались гораздо быстрее. И всё же они так устали, что были уверены: сегодня уже не в состоянии смотреть сад, кататься на коньках и даже любоваться озером. Они договорились пойти в кабинет на втором этаже, дожждаться ночи и по очереди рассматривать звёздное небо в телескоп.

Но после обеда усталость как рукой сняло, и ребята стали проситься на экскурсию в сад.

— А кто-то собирался изучать ночное небо в телескоп, — посмеиваясь, напомнил им Светислав.

И откуда он всё знает, в который раз удивилась Маша. И Мартин, и Ольгерта. Да, ещё и Аскольд. Она не заметила косой взгляд Ромуальда. Не стал он говорить приятельнице, что и сам обладает такой способностью, но скрывает это от неё, и сам не смог бы объяснить, почему.

— А мы пойдём в кабинет после сада, вечером, — заверила Маша.

— Если вспомните, — хмыкнул Светислав. — Одевайтесь.

Неужели опять нужно куда-то ехать, подумали дети одновременно. Но хозяин тут же ответил:

— Ехать не нужно. Но прогуляться по воздуху придётся.

Они прошли по утоптанной дорожке мимо трёх ледяных замков, затем свернули налево и пошли в снежную долину. Так показалось ребятам, и они даже пожалели, что напросились, теперь придётся топтать неизвестно сколько и неизвестно куда.

Светислав с Мартином бодро шагали впереди и о чём-то беседовали вполголоса.

— Почти пришли, — неожиданно объявил Светислав.

Все остановились и стали оглядываться. Ромуальд первым заметил метрах в двухстах от них смутные очертания купола, словно висящего в воздухе.

— Это теплица, — пояснил Светислав. — Стен не видно отсюда, просто они сливаются со снегом. Подойдём поближе, увидите.

Изнутри теплица казалась намного больше, чем снаружи. Похоже, все строения здесь такие обманчивые, подумала Маша.

Сад был не просто садом. Светислав

показывал рукой в разные стороны:

— Там огороды, вон маленький хвойный лесок, а здесь растут фруктовые деревья. Есть тут и грибница, и бахча, и даже газончики...

— А цветы, неужели их нет? — заволновалась Маша.

— Целое поле цветов! — успокоил её Светислав. — С чего начнём осмотр?

Девочка, конечно, проголосовала за цветы. Ромуальд задумался, но выбрать так ничего и не смог, а потому поддержал Машу.

— Отличный выбор, я бы тоже начал с цветов. Потом мы нарвём разных фруктов на ужин. Бери тележку, Ромуальд. И, пожалуй, больше ничего сегодня не успеем. Вернёмся сюда завтра с утра, а, может, ещё и послезавтра. Чтобы здесь увидеть всё, нужен не один день.

Они долго шли по зелёным тропинкам мимо лужаек и деревьев, клубничных полян и грядок. Маша вертела головой по сторонам и задирала её вверх, чтобы ещё раз посмотреть на синее небо — казалось, это оно, а не невидимый стеклянный купол, накрывает теплицу, залитую солнечным светом.

Цветочное поле было таким ярким и пёстрым, что у Маши зарябило в глазах. Она подбегала к цветам, нюхала их и радовалась, что многие ей знакомы. Мужчины вели себя более сдержанно, они

любовались разноцветным полем, стоя у его края.

— А я ведь помню, что твоя теплица начиналась именно с цветов, — сказал Мартин. — А теперь тут не хватает разве что тропического леса или каких-нибудь редкостных растений.

— Тропического леса и в самом деле нет, для него места маловато, а вот редкостные растения имеются. Хочешь посмотреть? Мартин! Что с тобой?

Мартин застыл и, прикрыв глаза, словно к чему-то прислушивался внутри себя. Светислав встревожился, он понимал, что это неспроста, но не стал теребить друга, а просто ждал.

Выдохнув так, словно вынырнул из воды, Мартин открыл глаза и огляделся.

— Я уловил тревожный сигнал. Дома что-то случилось, нужно вернуться.

— Уже стемнело, я вас не отпущу. Поедете рано утром.

— Хорошо. Детям скажем после ужина.

— Я вам дам аэросани.

— Спасибо, друг!

* * *

Отправились они в обратный путь затемно. Светислав не скрывал своего огорчения и жалел, что не успел показать всего, что имеется в его

владениях.

— Остерегайтесь ловушек! — крикнул он им вслед.

Мартин и сам был огорчён, но утешал себя тем, что расстаются они со Светиславом не навсегда. Можно ведь через какое-то время снова нагряться в гости к другу. Но потом вспомнил, сколько раз он себе так говорил и сколько раз за многие годы «нагрязнул», и расстроился ещё больше.

Аэросани ехали быстро и легко, бесшумно скользя по снегу. От однообразной картины Мартина скоро стало клонить в сон, ведь он последние несколько ночей и не спал толком. Ромуальд заметил, что дядя клюёт носом, и вызвался заменить его за пультом управления.

Мартин посомневался, но вынужден был согласиться.

— Ладно, поведи полчаса. Но смотри в оба! Сразу буди меня, если что.

— А, может, включить первую скорость?

— Не вздумай! Ты умеешь ею управлять? Нет! Вот и я тоже не умею.

Погода была отличная. Снег искрился на солнце так ярко, что резал глаза. Маша их прикрыла и не заметила, как задремала.

Ромуальд сиял. Ему нравилось всё: и ровная дорога, и снежная равнина, и сани-самоходы, а

больше всего ему нравился он сам в роли крутого водителя.

Они уже проехали больше половины пути, когда Мартин проснулся от резкого толчка. Открыла глаза и Маша. Ромуальд на толчок не обратил внимания и продолжал наслаждаться поездкой.

— Стой! — заорал Мартин.

Он выскочил из саней и пристально стал рассматривать дорогу, а потом оглядываться вокруг, будто что-то искал.

— Да что случилось, дядя?

— Ах, голова моя садовая! Зачем доверил рулить мальчишке! Ты не видишь, куда едешь?

Ромуальд обиделся. Он не понимал, почему дядя накинулся на него. Мартин немного помолчал и заговорил уже спокойнее.

— Ты ощутил толчок? Думал, камень? Ну, откуда здесь камни... Ты напоролся на петлю и даже не заметил, что наши сани развернулись и едут в обратную сторону.

— Так давайте развернём их туда, куда надо, и все дела!

— Да если было бы всё так просто! Это же ловушка! Петля и противна тем, что развернуться в нужную сторону никак не получится. И мы сможем теперь ехать только туда, куда она нас развернула. Остаётся надеяться, что вернёмся в Светиславу. А

то ведь можем попасть неизвестно куда, и будем ехать до тех пор, пока петля не закончится.

Ромуальд совсем сник.

— Ладно, ты извини, я сам виноват, расслабился. Дети, не вешайте носа!

— Дядя Мартин, а нельзя ли до вашего дома дойти на лыжах или пешком?

— Не получится, Машенька.

— И вы ничего не можете сделать?

— Не могу, момент упущен. Всё, что нам остаётся, сесть в сани и ехать. Если повезёт, доберёмся до конца петли быстро.

Назад азросани почему-то ехали медленно. Автоматика отказалась подчиняться, и пришлось перейти на ручное управление. Мартин всматривался в даль, скрывая тревогу, и гадал, куда их занесёт. Нужно быть готовым ко всему.

Часа через два езды Мартин понял, что они отклонились от своей дороги и, судя по всему, дом Светислава остался где-то в стороне и позади. Петля и не собиралась заканчиваться.

— Так и в царство снежных гор заехать можно, к волшебнице Раманте. И кто знает, захочет ли она показать нам путь обратно, — пробормотал Мартин.

Ребята сидели сзади и о чём-то беспечно болтали. К счастью, они не понимали, какая опасность им угрожает. Внезапно они закричали и

вскочили со своих мест. Мартин пытался затормозить, но ничего не получалось.

Прямо перед санями неведомо как, словно из воздуха, вырос Светислав, держа в вытянутой вперёд руке большой ледяной щит. Он что-то громко крикнул, резко взмахнул свободной рукой, и аэросани, со всего маху врезавшись в щит, остановились. А щит разлетелся на мелкие осколки. Дети едва успели пригнуться.

— Давно поджидаю вас тут, — сказал Светислав, как ни в чём не бывало.

— Я только на тебя и надеялся, — признался Мартин.

Друзья крепко пожали друг другу руки и обнялись.

— Ну, как, ребяташки, очень испугались? Нет? Вот это хорошо. А то на успокоительные разговоры времени нет. Садитесь в сани, сам вас домой отвезу. Надо было сразу так сделать.

Это было неожиданно. Но Мартин и бровью не повёл, радуясь в душе решению друга, не покидавшему пределы своих владений уже много-много лет.

Аэросани развернули в нужную сторону, быстро погрузились, и Светислав сразу включил первую скорость. И уже через час сани плавно подкатили к дому Мартина. Здесь их поджидала неприятная новость.